

Чертыхова Мария Дмитриевна
Хакасский государственный университет им. Н.Ф.Катанова
Абакан, Россия
chertikova@yandex.ru

**ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА В ЛИНГВОКОГНИТИВНОМ ОТРАЖЕНИИ
(НА ПРИМЕРЕ ТЮРКСКО-МОНГОЛЬСКИХ ЛЕКСИЧЕСКИХ ПАРАЛЛЕЛЕЙ):
ЗАДАЧИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Аннотация: Статья посвящена вопросу постановки задач синхронного исследования антропоцентрической лексики на материале сибирских тюркских и монгольских языков. Данная научная проблема актуальна и перспективна, поскольку искомые лексемы рассматриваются не только как лексические единицы, но и как индикаторы определенного типа восприятия окружающего мира, и как маркеры специфического отражения знаний о действительности. Проведение подобного исследования в сравнительно-сопоставительном и когнитивном русле позволит реконструировать единый образ «тюркско-монгольского» человека.

Ключевые слова: сибирские тюркские и монгольские языки, образ человека, лексема, семантика.

Chertykova Maria Dmitrievna
N.F. Katanov Khakass State University
Abakan, Russia

**HUMAN IMAGE IN LINGUO-COGNITIVE REFLECTION
(ON THE EXAMPLE OF TURK-MONGOLIAN LEXICAL PARALLELS):
CHALLENGES AND PROSPECTS**

Abstract: The article is devoted to the problem of setting the tasks of synchronous research of anthropocentric lexicon on the material of the Siberian Turkic and Mongolian languages. This scientific problem is relevant and promising, since the required lexemes are considered not only as lexical units, but also as indicators of a certain type of perception of the surrounding world, and as markers of specific reflection of knowledge about reality. Carrying out such an investigation in a comparatively comparative and cognitive way will allow reconstructing a single image of the «Turkic-Mongolian» person.

Keywords: Siberian Turkic and Mongolian languages, human image, lexeme, semantics.

В последние десятилетия в отечественном языкознании, в частности, в русистике, исследования вопросов лексической системы языка в национально-культурном аспекте, следовательно, в тесной связи с культурой народа – носителя языка, приобретают особую актуальность. Сохранение и развитие языковой культуры, в том числе, исследование человека «через язык», стоит в ряду важнейших теоретических и прикладных вопросов языкознания. Однако на данном этапе пока недостаточно работ, посвященных вопросам антропоцентрической и когнитивной направленности на материале языков коренных народов Сибири, которые бы отличались многомерным (структурно-семантическим, прагматическим, коммуникативным, сравнительно-сопоставительным и когнитивным), т.е. комплексным решением задач системного исследования – языковой реконструкции образа человека. На наш взгляд, данная научная проблема является актуальной и перспективной, поскольку искомые лексемы рассматриваются не только как лексические единицы, но и как индикаторы определенного типа восприятия окружающего мира и как маркеры специфического отражения знаний о действительности. Проведение исследования в сравнительно-сопоставительном русле позволяет выявить национально-этническую специфику «наивной» картины мира, а также общности и различия в стратегиях создания массива антропоцентрической лексики в сопоставляемых языках. Как писал выдающийся алтаист В.И. Рассадин: «... рассмотрение лексики алтайских языков в составе определенных тематических групп, семантических гнезд поможет выявить не только сходные, так называемые генетически родственные общеалтайские элементы, наличие большого количества которых априори предвидят в каждой такой группе ортодоксальные алтаисты, но и фактические расхождения, различные заимствования, т.е. позволит объективно оценить степень и глубину как сходства, так и различия этих языков» [Рассадин, 2010, с. 25]. Задача когнитивной лингвистики состоит в том, чтобы изучать лексику как естественный способ категоризации, исследовать когнитивные основания дифференциации лексики, разрабатывать идеи, связанные с понятием «прототипа» (при исследовании концептов), развивать теорию базового уровня как наиболее важного для обыденного общения, теорию метафоризации, некоторые другие проблемы. Наша же задача – «привязать» эту проблематику к сибирским тюркским и монгольским языкам, но не без учета – в отдельных моментах – сведений, относящихся к истории указанных языков.

Как известно, в сибирских тюркских языках присутствуют следы монгольского влияния. С большой долей уверенности можно предполагать и наличие обратного воздействия. Возможность взаимодействия тюркских и монгольских языков в древний период можно констатировать, исходя из факта близкого расположения тюркской и монгольской прародин и территорий дальнейшего развития языков этих народов [Кормушин 2004; Норманская 2011 и др.]. Монгольское влияние на тюркские языки Сибири проявляется в основном в виде лексического заимствования, что прослеживается и во влиянии на развертывание семантической структуры того или иного слова. Имеется достаточное число работ, в которых этот вопрос разрабатывается детально [Щербак 1966; Убрятова 1976; Широбокова 1980; Кормушин 1984; Пюрбеев 1999, 2006; Дыбо 2007; Рассадин 1980; Рассадин, Трофимова 2012 и др.]. Однако, проблема семантических изменений в лексических системах вследствие контактов с монгольскими языками практически не исследовалась и не может быть исследована до получения детальных синхронных описаний лексических систем в монгольских и тюркских языках Сибири, т.е. до проведения работ, предпринятых в том же направлении, что наша.

Антропоцентрическая лексика тюркских языков Сибири и монгольских языков представляет собой сложную систему, которая в процессе исторического развития подверглась влиянию социально-исторического, религиозного, экономического и других факторов. Эта сложная взаимосвязь человека и языка ярко характеризует естественный язык, и является показателем именно человеческого свойства владеть языком. Ю.Д. Апресян в основные системы, отражающие образ человека, включает: физическое восприятие, физиологические состояния, физиологические реакции на разного рода внешние и внутренние воздействия, физические действия и деятельность, желания, мышление, интеллектуальная деятельность, эмоции, речь [Апресян, 1995; с. 42-43]. Каждая система организована и разбивается на подсистемы, которые между собой пересекаются, сближаются и где-то отдаляются. Ю.Д. Апресян в сценарии эмоций просматривает связь с физическим восприятием или ментальным созерцанием, интеллектуальной оценкой [Апресян, 1995; с. 51]. Физиологические способности человека, основанные на возможности своеобразного видения мира, на потребности восприятия окружающей действительности, являются базой его духовно-психической деятельности. Тот факт, что любое из пяти видов восприятия (зрение, слух, обоняние, осязание, вкус) является связующим звеном между реальной действительностью и сознанием человека на лексическом уровне наиболее ярко отражается в метафорическом переносе значения зрительного восприятия в ментальную сферу. Например, основанием для реализации общетюркского глагола **көр-** ‘смотреть, видеть’ в качестве ментального является то, что при восприятии любые внешние раздражители осмысливаются человеком. Развитие ментальных значений у глаголов со значением зрительного восприятия исследователи отмечают и в других разноструктурных языках, например, в русском языке у глаголов *видеть* и *смотреть* [Падучева, 2004; Арутюнова, 1989; Апресян, 1995; Моисеева, 2005]. В тюркских языках глагол **көр-** ‘смотреть’ в зависимости от обозначаемой ситуации выражает такие дополнительные смыслы, как ‘решать’, ‘полагать’, ‘считать’, например, хак. *Постары көрзіннер, олох минің чооғымны олар истинчелер – Пусть сами решают, все равно они меня не слушают.* Помимо ментального, он выражает и оценочное значение: *Хайди син көрчезің, ол мында кирек пе? – Как ты считаешь, он нужен здесь?* Кроме того, глагол **көр-** выступает главным словом вводного предложения: *мин көргенде, минің көрізімнең*, соотв. русск. *по-моему, на мой взгляд.* По свидетельству А.А. Юлдашева, эмоциональное и ментальное значения глагола **көр-** ‘смотреть’ распространены во многих тюркских языках, что объясняется тем, что его «исходное значение охватывает весьма широкое понятие, связанное со множеством других, более частотных, но родственных с ним понятий» [Юлдашев, 1961, с. 303-304]. Помимо выражения прямого визуального значения глагол **көр-** ‘смотреть’ развивает социальные, эмоциональные, ментальные и другие смыслы, что связано с физиологической и психологической основой процесса зрительного восприятия. Тем самым принимая дополнительные оттенки, данный глагол обозначает не столько зрительное восприятие, но и познание и осмысление видимого мира воспринимающим субъектом.

Значение ‘видеть, смотреть, глядеть’ в монгольском языке выражается глаголом **харах-**, у которого также, как и у глагола **көр-**, наблюдается развитие значения за пределы физического зрительного восприятия, что можно проследить на примерах: «**алдагаа харах** видеть свою ошибку; **амраа харах / өөрийнхөө сайныг харах** беспокоиться о собственном благополучии, искать лёгкой жизни; **амиа харах** а) заботиться о себе, содержать лишь самого себя; б) держаться в стороне, быть замкнутым, необщительным; **амиа харахгүй** не щадить своей жизни [БАМРС, 2001, с. 905]. В близкородственном бурятском языке **хараха, хараже ябаха** ‘смотреть’ [БРС, 1993, с. 127]. В хакасском языке действуют глаголы с более узким специализированным значением визуального восприятия: **харирга /хара-/** «1) пристально смотреть, всматриваться; *тигір харирга* всматриваться в небо; 2) обозревать что-л.; *ыраххы чазыны харирга* обозревать далекую степь» [ХРС, 2006, с. 813]. Несколько приближенное значение у его алтайской параллели: **кара-** «смотреть, глядеть, наблюдать,

всматриваться, обращать внимание, обозревать; смотреть за кем-л.: *не карап туруң?* – что ты смотришь?» [ОРС, 1947, с. 73]. Б.И. Татаринцев предполагает, что тувинский глагол **кара-** (следовательно, и его хакасский и алтайский параллели: *М.Ч.*) является глагольным соответствием **кара** ‘зрочок’ и восходит к последнему, а также вполне может быть исконно тюркским словом [ЭСТЯ, 2004, с. 100]. В хакасском языке действует также глагол **харахсынарга /харахсын-/** «1) смотреть, посматривать (вдаль), обозревать *что-л. ибiре харахсынарга* обозревать вокруг; 2) присматривать *за кем-л., чем-л.* (время от времени); *паланы харахсынын одыраарга* присматривать за ребенком (на улице); 3) озираться по сторонам; *мал харахсынарга а)* ходить в поисках скота; б) наблюдать, время от времени смотреть за скотом (его местонахождение) [...]» [ХРС, 2006, с. 811]. Очевидно, происхождение **харахсын-** от **харах** ‘глаз’ при помощи глаголообразующего аффикса **-сын-**, придающего значение «чувствовать, переживать то, что обозначено исходной основой, нуждаться в этом» [Грамматика..., 1975, с. 169].

В сибирских тюркских языках як. **харах**; шор. **қарак**; хак. **харах**; тув. **карак** обозначает ‘глаз’ и ‘зрение’. В монгольском же языке **хараа(н) I** «1) зрение; взгляд, взор; **нүдний хараа** зрение; острота зрения; **хоёр нүдний хараа** бинокулярное зрение; **хуриц хараа** острое зрение [...]; 2) поле зрения, видимое пространство; точка зрения; **хараа хүрэх газар / харааны газар** поле зрения; видимое пространство; 3) внимание; точка зрения; перспектива; **хараа авах а)** разглядеть издали, заметить очертания издали; б) мотивировать, ссылаться на *кого-что*» [БАМРС, 2001, с. 901]. Б.И. Татаринцев считает «довольно логичной» производность **харах** от **кара** «черный, чернота», и также отмечает, что данная лексема использовалась для обозначения зрочка [ЭСТЯ, 2004, с. 98]. Далее Б.И. Татаринцев пишет, что слово типа «п.- монгольское **qara-** ‘смотреть, глядеть, рассматривать, высматривать (с высокого места)’, монг. **хар-**, бур. **хара-** ‘смотреть, глядеть; осматривать, обозревать’, калм. **хар-** ‘осматривать, наблюдать’ (см. Рассадин. Фонетика, 186; ЯМВМ, 230) было тюркским по происхождению. В то же время оно могло быть вторичным монгольским заимствованием в части тюркских языков и, скорее всего, является таковым, в частности, в тув. и тоф. языках: ср. тув. **хара-** ‘смотреть сверху через *что-л.*; обозревать местность’, тоф. **hara-** ‘прицеливаться; наблюдать; смотреть откуда-л. сверху» [ЭСТЯ, 2004, с. 100]. Все приведенные в пример лексемы дифференцируются в различных отношениях: направление, целенаправленность, ментальность и др. Зрительное восприятие одно из ведущих аспектов общего восприятия действительности субъектом. Однако данное восприятие не всегда бывает объективным, чаще субъект видит то, на чем акцентирует свое внимание или же что неизбежно попадает в поле его зрения.

Таким образом, исследование лексики, описывающей образ человека, его внешние и внутренние (психические) качества, состояния и действия в тюрко-монгольских языках важно не только для лексикологии разноструктурных языков, но и для развития новых в практике описания этих языков антропоцентрического и когнитивного подходов. Опыт воссоздания образа человека на основании данных языков коренных народов Сибири обогатит научное информационное поле новыми знаниями о функционально-семантических и концептуальных особенностях лексики, описывающей и характеризующей человека, о ее участии в процессах концептуализации действительности и отражения в языке взгляда на мир. Тем самым будет построена сводная стратификационная модель лингвистического описания единого образа «тюркско-монгольского» человека.

Литература

Арутюнова Н.Д. «Полагать» и «видеть»: (К проблеме смешанных пропозиционных установок) // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов: [Сборник статей]. Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука. 1989. С. 7-30.

Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. №1. С. 37-67.

Апресян Ю.Д. Избранные труды. В 2-х томах. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры». 1995. 767 с.

Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. №1. С. 37- 67.

Грамматика хакасского языка / Под ред. Н.А. Баскакова. М.: «Наука». Гл. ред. вост. лит. 1975. 420 с.

Дыбо А.В. Лингвистические контакты ранних тюрков: лексический фонд: пратюркский период. М.: Вост. литерат., 2007. 222 с.

Кормушин И.В. Древние тюркские языки: Учебное пособие / ХГУ им. Н.Ф. Катанова; Тывинский государственный университет. Абакан, 2004. 336 с.

Кормушин И.В. Системы времен глагола в алтайских языках. М.: Наука, 1984. 84 с.

Моисеева С.А. Семантическое поле глаголов восприятия в западно-романских языках. Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. 264 с.

Норманская Ю.В. Локализация тюркских прародин: сопоставление лингвистических и археологических данных о комплексе вооружения тюрков // Урало-алтайские исследования. 2011. №1. С. 34-56.

Рассадин В.И. Комплекс лексики кочевничества монгольских языков в свете тюркско-монгольских языковых связей // Урало-алтайские исследования. 2010. №1. С. 32-38.

Рассадин В.И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках / Отв. ред. И.Д. Бураев. М.: Наука. 1980. 117 с.

Рассадин В.И. Семантический метод исследования алтайских языков // Российская тюркология. № 3. Москва – Казань. 2010. С. 24-27.

Рассадин В.И., Трофимова С.М. О соотношении монгольских и тюркских грамматических элементов в составе тюрко-монгольской языковой общности / Отв. ред. С.Л. Чариков. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2012. 180 с.

Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 608 с.

Пюрбеев Г.Ц., Голубева Е.В. Антропоцентричность картины мира в калмыцких фразеологизмах // IX Международный конгресс монголоведов. Докл. российской делегации. М.: ИВ РАН, 2006. С. 315-319.

Пюрбеев Г.Ц. Концепт судьбы в культуре монгольских народов // Общее и восточное языкознание. М.: Современный писатель, 1999. С. 211-219.

Убрятова Е.И. Некоторые древние ареальные явления в языках народов Сибири // Язык и топонимия. Томск, 1976. С. 59-61.

Широбокова Н.Н. О якутско-монгольских контактах // Народы и языки Сибири. Новосибирск, 1980. С. 140-147.

Щербак А.М. Тюркско-монгольские языковые контакты в истории монгольских языков / Ин-т лингвистических исследований РАН; Ин-т гуманитарных исследований АН Республика Саха (Якутия). СПб.: Наука, 2005. 195 с.

Юлдашев А.А. Глаголы чувственного восприятия в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961. С. 294-461.

Лексикографические источники

БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь в четырех томах. Под общ. ред. ак. АН Монголии А. Лувсандэндэва и доктора филол. наук, проф. Ц. Цэдэндамба. Отв. ред. доктор филол. наук, проф. Г. Ц. Пюрбеев. Ок. 70000 слов. М.: АCADEMIA. 2001. 2007 с.

БРС – Бабушкин С.М. Бурятско-русский словарь. Улан-Удэ. 1993. 160 с.

ОРС – Ойротско-русский словарь: ок. 10 000 сл. / Сост. Н.А. Баскаков, Т.М. Тошакова. Под общ. ред. Н.А. Баскакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей. 1947. 312 с.

Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Второй выпуск / Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, Т.В. Крылова, И.Б. Левонтина, Е.В. Урысон, В.Ю. Апресян, Е.Э. Бабаева, М.Я. Гловинская, С.А. Григорьева, А.В. Птенцова; Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М.: Языки русской культуры, 2000. LV, 488 с.

ХРС – Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстiк / О.П. Анжиганова, Н.А. Баскаков, М.И. Боргояков, А.И. Инкижекова-Грекул, Д.Ф. Патачакова, О.В. Субракова, М.Д. Чертыкова и др. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

ЭСТЯ – Татаринцев Б.И. Этимологический словарь тувинского языка. Новосибирск: Наука. 2004. 440 с. (Т.Ш: К, Л).